

на работу. Администрация лагеря пошла на уступки: было улучшено питание, сокращено время работы. Летом 1937 г. политзаключённые объявили массовый протест против попыток администрации лагеря лишить их возможности переписки с родными. Компанию протеста поддержала общественность, и руководство лагеря пошло на уступки.

По мнению советских историков, за 5 лет существования концлагеря через его застенки прошло около 10 тысяч человек. Польский историк Войцех Слешиньски писал, что до последних дней августа 1939 г. в лагере Берёзы-Картузской находилось немногим более трех тысяч заключённых. Арестованный Тадеуш Бешчиньски, который прибыл 29 августа 1939 г., имел лагерный номер 3091, и это наибольший номер во всех сохранившихся папках личных дел, собранных в настоящее время в Государственном архиве Брестской области. Концентрационный лагерь просуществовал до 18 сентября 1939 г.

В течение пятилетнего существования лагеря умерло 13 человек, потому что тяжелобольных заключённых переводили в больницу г. Кобрина, где многие из них умерли. Безусловно, это немного, если сравнить с миллионами погибших в системе ГУЛАГа, однако сам факт существования концентрационного лагеря в государстве, которое относилось к демократическим странам, свидетельствует о том, что в нём нарушались конституционные права и свободы его граждан.

Литература

1. Ладысев, В.Ф. В борьбе за демократические права и свободы / В.Ф. Ладысев. – Мн.: Беларусь, 1988. – С. 75.
2. Память. Берёзовский район. – Мн.: Белорусская Советская энциклопедия имени П. Бровки, 1987. – С. 93-94.
3. Wojciech Sleszynski. Obóz odosobnienia w Berezie Kartuskiej 1934–1939. – Białystok, 2003. – S. 97–100.

ПЕРВИЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В АГРАРНОЙ СФЕРЕ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1939–1940 гг.

Бодак А.Ю.

УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»

Сразу же после освобождения Западной Беларуси из-под власти Польши здесь началось социально-экономическое преобразование деревни. Важнейшим фактором привлечения крестьянства на сторону Советской власти явилось разрешение вопроса о земле. Если учесть при этом, что 85 % населения области было занято в сельском хозяйстве, то становится очевидной важность решения этой проблемы.

Мероприятия новой власти в указанной сфере оказались довольно неоднозначными в своей оценке, и их результаты вышли далеко за рамки чисто экономических и социальных вопросов. Здесь мы видим две стороны медали – бесспорно положительную (земельная реформа, встреченная большинством сельского населения с энтузиазмом) и явно отрицательную (массовые репрессии в отношении определённых категорий сельского населения, по большей части неоправданные и имевшие самые неприятные для новой власти последствия).

Известно, что Народное собрание Западной Белоруссии 29 октября 1939 г. приняло Декларацию о конфискации помещичьих и национализации всех земель, провозгласив: «Отныне вся земля Западной Белоруссии с ее недрами, а также лесами и водами объявляется народным достоянием» [5, 100].

Осенью 1939 г. началось проведение земельной реформы. Основными задачами реформы явились: 1) конфискация земель помещиков, крупных чиновников и монастырей; 2) ликвидация осадничества, ограничение размеров землепользования кулацкими хозяйствами; 3) ликвидация малоземелья и безземелья, наделение землей батраков и бедняков, создание политических и экономических условий для преобразования сельского хозяйства по новому пути.

Конфискация помещичьих, церковных, осадничьих и надельных земель в основном закончилась к открытию Народного собрания, которое Декларацией о конфискации помещичьих земель узаконило действия Крестьянских комитетов по проведению крестьянской реформы. Однако ликвидация помещичьего землепользования еще не решала полностью земельной проблемы. Сразу же начинается перераспределение земель между создающимися колхозами и крестьянами-единоличниками, так как часто земли таких крестьян располагались «в самом центре земель колхозного массива, что создавало исключительную невозможность ведению севооборота колхоза и хозяйственную невыгодность. Поэтому производилась «замена из земель запасного фонда в том же количестве» [1, 5].

Кроме того, производилась отрезка земли у так называемых кулацко-зажиточных хозяйств, в отношении которых вначале осуществлялась политика ограничения (повышение денежных и натуральных налогов, запрещение аренды). Вместе с тем у них оставалось до 18 % общей земельной площади крестьянских земельных наделов, а численность кулацких хозяйств составляла около 5 % от общего количества крестьянских хозяйств [5, 101]. Поэтому были установлены предельные нормы землепользования на один крестьянский двор. По отдельным районам Брестской области они составили от 10 до 15 га [5, 101], а излишки у крестьянских дворов обращались в государственный земельный фонд [2, 34], причем отрезка их производилась и в тех случаях, если они оказывались засеянными. Земля не отрезалась у отдельных многосемейных крестьянских дворов, обрабатывавших ее своим трудом, в тех деревнях, где она не могла быть использована колхозами, безземельными и малоземельными хозяйствами [2, 34].

Необходимо учесть и то, что отрезка земель производилась не один раз, поэтому размеры землепользования кулацких хозяйств постепенно уменьшались, вызывая недовольство людей. К тому же применялся строго классовый подход при установлении обязательной нормы сдачи государству зерна и картофеля. Нормы зависели от размеров земельного надела, причем кулацкие хозяйства с одного гектара поставляли зерна и картофеля в 4–5 раз больше, чем бедняцкие.

В преобразовании сельского хозяйства по новому пути важную роль сыграло и разрешение в пользу беднейшего крестьянства вопроса о землях осадников. В бывшем Полеском воеводстве, что примерно соответствует территории нынешней Брестской области, насчитывалось около 1000 осадников, владевших 128 тыс. га лучших земель [6, 74] крестьянским комитетам как временным органам власти было предоставлено право на местах решать вопрос о конфискации земель и имущества осадников.

В феврале 1940 г. все осадники были выселены за пределы республики. Оперативная сводка о ходе выселения осадников и лесников по Пинской области (примерно Пинский район сегодня) даёт нам представление о масштабах этой операции: всего по области по оперучасткам было поднято 1702 хозяйства, погружено 1135 хозяйств, что соответственно 8765 человек и 6127 человек [3, 11] за период с декабря 1939 г. по ноябрь 1940 г.

Необходимо отметить, что выезжавшие уполномоченные УКОМов четкого представления об осадниках не имели и не усвоили, кого нужно считать осадником. По Пинской области было определено две категории: осадники военные, получившие осады от бывшего польского правительства за доблесть, проявленную в борьбе против Советской власти, и осадники, переброшенные бывшим польским правительством в порядке ополчания. Крестьянские же комитеты и уполномоченные в эти категории осадников включали и лиц, купивших себе земельные участки и арендовавших землю у осадников [3, 2]. Земля, скот, постройки, отбираемые у этих лиц, были переданы крестьянам-беднякам или создававшимся колхозам и совхозам. Однако вряд ли можно оправдать такой огульный подход к этой категории земледельцев. Среди осадников действительно были зажиточные хозяева, владевшие довольно крупными осадками (до 45 га). Вместе с тем большинство владений осадников составляли 10–15, а то и 5–6 га, они имели небольшое количество скота, это были, как правило, многодетные семьи, какой-либо серьезной социальной опасности для общества не представлявшие, и необходимость их выселения ничем не оправдана [4, 1–6]. Неудивительно поэтому, что отношение осадников к Советской власти в основной массе было враждебным. Особенно ярко это проявилось при проведении операций по выселению, когда жители отказывались открывать оперуполномоченным двери, оказывали сопротивление, бежали, прятали оружие.

Помимо арестов осенью 1939 г., осадники подверглись трем волнам депортаций – весной и осенью 1940 г. и в июне 1941 г. Последняя волна унесла за пределы региона уже членов семей, содержавшихся к тому времени в тюрьмах. Так, последний этап из Брестской тюрьмы был отправлен на Восток в ночь с 21 на 22 июня 1941 г.

Секретное постановление № 2010-558 по вопросу о выселении из западных областей Украины и Белоруссии осадников и работников лесной охраны было принято СНК СССР ещё 5 декабря 1939 г. Вероятно, это было сделано вследствие заключения органов НКВД о том, что из этой категории населения готовили кадры диверсантов, шпионов и т. д. в случае войны с СССР. Поэтому осадники и работники лесной охраны были объявлены врагами Советской власти, и их необходимо было депортировать в отдельные районы СССР, о чем была направлена 19 и 25 декабря 1939 г. Л.П. Берия соответствующая директива органам НКВД УССР и БССР.

По указанию наркома внутренних дел БССР Л. Цанавы, к 5 января 1940 г. необходимо было закончить составление точного учета всех осадников и членов их семей по областям. Для подготовки и проведения операции в каждом оперативном участке (охватывающем 250–300 семей осадников) следовало организовать оперативные тройки, возглавляемые уездным начальником НКВД или оперативным работником, специально командированным из областного НКВД [7, 90].

НКВД республики заранее разработал инструкцию о порядке проведения операции по выселению. В соответствии с ней, выселяемым отводилось всего 2–3 часа на сборы, а делаться всё должно было без шума, суеты и паники. На заседании бюро ЦК КП (б)Б 19 января 1940 г. были утверждены мероприятия НКВД БССР по выселению осадников и лесников.

В конце января 1940 г. Л. Цанава направил специальную докладную записку на имя Л.П. Берии и первого секретаря ЦК КП(б)Б П. Пономаренко о готовности к проведению операции. В ней говорилось, что количество высылаемых людей в сравнении с первоначальными планами увеличилось с 1965 хозяйств (45410 человек) до 9603 хозяйств (51300 чел.), в том числе за счёт дополнительного выявления членов семей, которые живут отдельно, но также попадают под выселение [7, 92]. Для проведения операции было выделено 2540458 руб. [7, 93]. Началась она на рассвете 10 февраля 1940 г. Нарком внутренних дел БССР Л. Цанава в опе-

ративной сводке № 1 докладывал П. Пономаренко, что по состоянию на 11 часов 10 февраля 1940 г. по всем пяти областям (Брестской, Пинской, Барановичской, Белостокской, Вилейской) репрессировано 1945 хозяйств (8692 чел.) [8, 70]. Далее перечислялись происшествия, которые при этом случились. Подобные сводки поступали также в 15 часов, в 18 часов, в 20, 22 и 24 часа. По состоянию на 12 часов 11 февраля (последняя сводка № 7) операция по выселению была закончена. На это время было репрессировано 9447 хозяйств (48536 человек), из них погружено в вагоны 6989 хозяйств (36080 человек) [8, 71]. Хозяйственные группы, созданные по линии областных и уездных комитетов партии, производили описи и приёмку оставшегося имущества осадников и лесников [8, 70].

21 февраля Л. Цанава отправил П. Пономаренко докладную записку о результатах операции по выселению осадников и работников лесной охраны. В ней говорилось, что «операция началась на рассвете 10 февраля, к концу дня в основном была завершена...

К выселению подлежало 9810 хозяйств (52892 человека), из них осадников 6064 хозяйства (34203 человека), лесников 3746 хозяйств (18689 человек). Было погружено в эшелоны 9584 хозяйства (50224 чел.), арестовано 307 человек, умерло и убито во время операции 4 человека. Репрессировано после 13 февраля и помещено в изоляторы для последующей высылки 197 человек.

Таким образом, общее количество репрессированных составило 9584 хозяйства (50732 человека). Из оставшихся не репрессированных 226 хозяйств (2160 человек): больных – 547, в бегах – 32 человека, отсутствовали дома во время операции – 1581 человек. Все больные взяты под наблюдение и по выздоровлению должны быть собраны в специзоляторах для отправки к месту высылки их семей» [8, 71]. 32 эшелона выслаемых были отправлены на Восток (в Сибирь, Казахстан т.д.). Начальникам эшелонов переданы личные дела всех выселяемых, где были собраны агентурные и следственные материалы на каждую семью отдельно. Из Брестской области было выселено 1585 осадников и лесников [8, 72].

После выселения осадников и лесников осталось большое количество их скота, птицы, зерна, картофеля, сельхозинвентаря, домов и других строений. Землю и имущество выселяемых планировалось передать молодым колхозам, совхозам, а так же бедноте, торгово-хозяйственным организациям. Частью это было сделано, но много было раскрадено.

Новая операция по выселению началась на рассвете 13 апреля 1940 г. До 24-х часов того же дня по всем западным областям республики было репрессировано 8055 семей (26777 человек), из них погружено в вагоны 7286 семей (24253 человека) [8, 73].

29 июня 1940 г. была проведена третья операция. Всего подлежало выселению 7376 семей (23057 человек). В этот день было репрессировано и погружено в вагоны 7224 семьи (22879 человек), в том числе по областям: Барановичской – 747 семей (2495 человек), Белостокской – 4210 (13250 человек), Брестской – 1832 (5876 человек), Вилейской – 103 (313 человек), Пинской – 332 семьи (965 человек) [8, 74].

Таким образом, по самым приблизительным подсчетам с октября 1939 г. по 20 июня 1941 г. в западных областях Беларуси было репрессировано (исключая военнопленных польской армии) более 125 тыс. человек, из них депортировано в Сибирь, Казахстан и другие места более 120 тыс. человек [8, 76].

Итоги репрессивной политики новой власти оказались неожиданными для неё, уже разучившейся адекватно отражать действительные настроения масс и реагировать на них. Значительная часть крестьянства начала разочаровываться во власти, которую оно поначалу встретило с радостью. При этом энтузиазм населения сменился не страхом, как

могла бы предположить администрация, воспитанная сталинскими порядками, а тихой неприязнью или даже ненавистью. Неожиданный эффект происходил из того факта, что здешние жители исторически разминулись с массовой коллективизацией, террором 1937 – 1938 гг. и в этом смысле оказались «непоротыми» и не запуганными. Их отношение к Советской власти (по крайней мере, значительной части) красноречиво проявится в трагических событиях первых дней Великой Отечественной войны.

Литература

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. р-282. – Оп. 1. – Д. 45.
2. ГАБО. – Ф. 1059. – Оп. 1. – Д. 3.
3. Там же. – Ф. 7581. – Оп. 1. – Д. 25.
4. Там же. – Д. 199.
5. Очерки истории Брестской областной партийной организации / Я. Я. Алексейчик [и др.]: под ред. В.А. Бобкова. – Минск, 1989.
6. Сорокин, А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии / А. Сорокин. – Минск, 1968.
7. Хацкевіч, А. Арышты і дэпартацыі ў заходніх абласцях Беларусі 1939–1941 гг. / А. Хацкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 1.
8. Хацкевіч, А. Арышты і дэпартацыі ў заходніх абласцях Беларусі 1939–1941 гг. / А. Хацкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 2.

ЗАПАДНАЯ БЕЛАРУСЬ НА ЛИНИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗЛОМА (1921-1939)

Бодак М.С.

УО «Брестский государственный технический университет»

Западнобелорусский регион никогда не был единым и однородным в этническом и политическом отношении в силу геополитических причин. Находясь на стыке трёх этнических групп: восточнославянской, западнославянской и балтской, располагаясь в центре Европы, он постоянно был объектом притязаний различных государственных образований. Вся история этих земель – это история переделов, оккупаций, объединений. По сей день западнобелорусские земли находятся на линии цивилизационного разлома: между западной и православно-славянской цивилизациями. До сих пор вопрос об этническом составе населения Западной Беларуси, как и вопрос о формировании этнической территории Республики Беларусь, остаётся дискуссионным. Не является исключением в этом плане и рассматриваемый период.

Согласно Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г., от разработки условий которого представители белорусского народа были отстранены, к Польше отошли Гродненская губерния, Новогрудский, Пинский, часть Слуцкого, Мозырьского и Минского уездов Минской губернии, а также Ошмянский, Лидский, Виленский, Диснянский уезды Виленской губернии. Эта этническая территория Беларуси, вместе с городом Вильня, Виленским, Свянтянским и Троцким уездами, захваченными польскими войсками (так называемая Средняя Литва), ещё в октябре 1920 г. была разделена на 4 воеводства: Полесское, Новогрудское, Белостокское и Виленское (до декабря 1925 г. официальное название Виленский административный округ). Обозначенная территория в советской историографии получила